

Сяхоу Лянь встал спозаразно, оделся, собираясь почистить зубы и умыться, но, едва дойдя до двери, услышал, как Ляньсян разговаривает с Се Цзинланем. Он хотел уже уйти, но услышал своё имя, замер на месте и не сдвинулся с места.

— Молодой господин, этот сорванец Сяхоу Лянь надёжности не заслуживает. Посмотрите на него: целыми днями бездельничает, шляется где попало, и ладно бы просто шляется, так ещё вечно промышляет мелким воровством, руки у него нечистые. Как мы можем позволить такому человеку оставаться в поместье? Все его разговоры о том, чтобы отвести вас к Господину Даю, — это лишь путь к неприятностям! Когда Господин Дай станет выбирать учеников, старейшина и главная госпожа наверняка будут там. Если вы явитесь, главная госпожа уж точно вас не пощадит!

Се Цзинлань на мгновение замолчал и ничего не ответил. Ляньсян была права: до появления в поместье Сяхоу Лянь наверняка был уличным воришкой, полным презренных и отвратительных привычек. Если бы так вел себя кто-то другой, Се Цзинлань испытывал бы глубочайшее презрение и счел бы ниже своего достоинства водиться с ним, но почему-то, когда дело касалось Сяхоу Ляня, он не чувствовал ни малейшей неприязни.

Возможно, дело в том, что Сяхоу Лянь чертовски хорош собой, — пришел к выводу Се Цзинлань.

И это действительно было так. Когда чужие глаза бегают туда-сюда, когда кто-то чавкает за едой или беспрестанно трясет ногой, это вызывает лишь раздражение и неприязнь. Сяхоу Лянь же излучал какую-то пробивную смышленость, в нем чувствовалась изрядная доля удали, пренебрежения условностями и разгульного благородства вольного странника.

Он неторопливо произнес:

— Даже если Сяхоу Лянь не возьмет меня с собой, я все равно пойду.

— Молодой господин! Вы же погибели от этого мальчишки ищите!

— Хоть у него и есть склонность к мелким кражам, всё, что он крал с момента появления в поместье, делалось ради меня. Впредь я буду строго следить за ним и прикажу больше этого не повторять. По сути своей он не злой, так что можете не беспокоиться, — сказал Се Цзинлань.

— Матушка Лань, вы ведь тоже так считаете?

— Верно, Сяхоу Лянь ещё совсем мал и никаких страшных проступков не совершал. Помимо того, что он добывал для молодого господина книги, он разве что таскал сладости да закуски из гостевых флигелей. Дети все сладкоежки, Ляньсян, прояви снисходительность.

Се Цзинлань и Матушка Лань наперебой защищали Сяхоу Ляня, и Ляньсян пришлось умолкнуть.

Сяхоу Лянь слушал их довольно долго и не находил слов.

У женщин вечно тысяча забот. С чего это он целыми днями бездельничал? Если он и шатался без дела, то лишь ради сбора вестей. Запрись он сиднем во дворе, разве узнал бы, что Дай Шэнъянь собирается набирать учеников? К тому же те сладости лежали на столах в беседках и павильонах, их никто не трогал и не охранял, он всего лишь немного поел, стоит ли из-за этого поднимать шум?

А эта девчонка Ляньсян — лица лисицы-соблазнительницы отрастить не сумела, зато искусству борьбы за чужое расположение научилась мастерски, словно боялась, что Сяхоу Лянь обойдёт её и станет главным доверенным лицом Се Цзинланя. Бывало, стоило ей приготовить еду или вымыть пару чашек, как она тут же начинала голосить. Стоило ей оцарапать палец с булавочную головку, как она всюду причитала: я умираю, я погибаю, — так и норовя оповестить всё поместье о том, как тяжело она трудилась и как пострадала.

Сяхоу Лянь, конечно, ценил женскую красоту и нежность, но прекрасными могли называться лишь те, в ком действительно было изящество, — по крайней мере, кто-то вроде Се Цзинланя. Ляньсян же в его глазах выглядела лишь жалкой пародией.

Жаль только, что Матушка Лань была добрячкой до мозга костей, а Се Цзинлань — ещё полурёбёнком, не видавшим жизни. Хотя у того и хватало ума, он всё же оставался крепким парнем и ничего не смыслил в женских хитросплетениях, искренне полагая, что Ляньсян честно заслужила свой тяжкий труд.

Ладно уж, он, Сяхоу Лянь, настоящий мужчина, нечего ему с бабами спорить.

Хорошо хоть, что он не зря возился с этим пареньком Се Цзинланем — тот по крайней мере додумался заступиться за него. На душе у Сяхоу Ляня стало гораздо теплее. Он нарочно пошумел, давая понять тем, кто снаружи, что проснулся, а затем вышел за дверь.

Только он закончил умываться, как от калитки донёсся звук падающего засова. Ляньсян подошла поближе, выглянула наружу и всплеснула руками:

— Молодой господин, наш двор заперли!

Снаружи раздался голос:

— У главной госпожи приказ: в поместье прибывают высокие гости, и чтобы всякие неуклюжие слуги не потревожили их покой, никому из вас не позволено сегодня даже нос показывать за ворота.

Се Цзинлань остался бесстрастным, а вот Матушка Лань помрачнела:

— И что же делать? Дверь заперта, как мы теперь встретимся с Господином Даем?

Ляньсян упрямо предложила:

— Может, ну его?

Сяхоу Лянь бросил взгляд на Се Цзинланя, и они оба без слов поняли друг друга: раз дверь заперта — полезут через стену.

Вчетвером они притащили к стене столы и стулья из комнаты, выставили их друг на друга ярусами. Сяхоу Лянь полез первым, Се Цзинлань последовал за ним.

Матушка Лань и Ляньсян снизу со страхом смотрели на них. Ляньсян напутствовала:

— Молодой господин, будьте осторожнее! Сяхоу Лянь, если главная госпожа рассердится, ты должен защитить молодого господина. Случись с ним хоть что-то дурное, я с тебя живого не слезу!

— Знаю я, знаю, непременно защищу, с головы не позволю волоску упасть, — беззаботно отмахнулся Сяхоу Лянь.

Когда Се Цзинлань тоже забрался на стену, Сяхоу Лянь спрыгнул вниз. Се Цзинлань засомневался: стена была высокой, ему немного боязно, но показывать свой страх Сяхоу Ляню не хотелось, так что он зажмурился и сиганул вниз. Земли он не коснулся — вместо этого угодил в чьи-то тёплые объятия. Се Цзинлань открыл глаза и увидел прямо перед собой широкую физиономию Сяхоу Ляня, да так испугался, что кубарем вывалился из его рук.

— Если будешь так прыгать, точно ноги переломашь. Спрыгивая со стены, надо расставить ноги и приземляться на полусогнутых — ровно в той же позе, что при справлении нужды. Не поймай я тебя, твоя карьера оборвалась бы, толком не начавшись, — с совершенно серьёзным видом наставлял Сяхоу Лянь.

Се Цзинлань: «...»

— Братец Лянь! — едва они встали, как к ним прибежала запыхавшаяся девчонка. — Место, где почтенный Дай будет рассуждать о Пути и толковать каноны, перенесли! Теперь это Павильон Ванцин над прудом Туманных Волн, всё начнётся через час, там уже успели всё подготовить.

— Братец Лянь? — подозрительно уставился на девчонку Се Цзинлань.

Сяхоу Лянь хмыкнул и виновато пояснил:

— Это служанка Ляньсян из кабинета, мы познакомились на днях. Сестрица Ляньсян, благодарю тебя, завтра же угощу тебя османтусовым пирожным.

Ляньсян показала язык:

— Смотри, не забудь! Я украдучком сбежала, чтобы тебе передать, теперь мне срочно нужно возвращаться.

С этими словами она отвесила обоим поклон и вприпрыжку умчалась прочь.

— Ну ты и мастер, всего несколько дней в поместье, а уже обзавелся сестрицей Ляньсян. Тайные свидания и обмен подарками меж мужчиной и женщиной — великое преступление. Я сам едва держусь на плаву, словно глиняный идол при переправе через реку, так что в нужный момент спасти тебя не смогу, — фыркнул Се Цзинлань.

Способность Сяхоу Ляня заводить знакомства поражала воображение: только что эта девчонка даже не удостоила его взглядом, зато Сяхоу Ляня окликнула с таким теплом. Се Цзинлань искоса глянул на Сяхоу Ляня и снова фыркнул.

Сяхоу Лянь оскорбился:

— Тайные свидания? Я устраивал тайные свидания только с тобой, да и те подарки, что я тебе принёс, до сих пор пылятся у тебя на дне шкафа.

Возмущённый Се Цзинлань бросил:

— Что за бред ты несёшь? Мы оба мужчины, разве это назовёшь тайными свиданиями?

Сяхоу Лянь скорчил ему рожицу.

Перед выходом Сяхоу Лянь велел Се Цзинланю накинуть его собственный ватник и повязал ему на голову свою грубую холщовую повязку. Если бросить беглый взгляд и не всматриваться, Се Цзинлань выглядел сущим слугой из числа низшей прислуги. Сяхоу Лянь извлёк из кустов припрятанные заранее подносы, вручил по одному каждому, и они, опустив головы, беспрепятственно добрались до самого пруда Туманных Волн.

Павильон Ванцин возвышался прямо над прудом Туманных Волн. Под смотровой площадкой плескалась рябью чистая вода, а перил спереди не было. Со второго этажа открывался прекрасный вид вдаль — это было чрезвычайно изящное место. Клан Се всё-таки славился своими учеными традициями, и даже в архитектуре павильонов и беседок отчетливо чувствовался налет книжной утонченности.

Время ещё позволяло, и оба они спрятались в рокайле, ожидая, пока члены клана займут свои места. Се Цзинлань скинул ватник Сяхоу Ляня, снял повязку, а Сяхоу Лянь заново собрал ему волосы, зафиксировал сеткой для волос и надел головной убор. После того как его одежда и причёска были приведены в порядок, перед ними предстал благородный и прекрасный юноша.

Неудивительно, что Сяхоу Лянь назвал Се Цзинланя прекрасным. Этот негодяй обладал поистине женственной красотой, да к тому же носил её с таким вызывающим достоинством, а в чертах его лица сквозило природное высокомерие, будто он глядел на всех живых существ как на пыль под ногами.

Эту спесь, если выражаться мягко, можно было назвать «высокой чистотой нравов», а если говорить прямее — «обыкновенным позёрством». Сяхоу Лянь скрепя сердце решил выбрать первое.

Один сидел, другой стоял. Сяхоу Лянь грыз прихваченные с собой сладости, а Се Цзинлань перечитывал свитки. На искусственной горке росло дерево зимней сливы, чьи ветви косо нависали над их головами, и оттуда плавно, покачиваясь, сорвался и упал лепесток.

Скрестив руки на груди, Сяхоу Лянь сонно подумал: как же хорошо, благодать... только холодно немного.

Снаружи поднялся шум. Прикинув, что время подошло, Сяхоу Лянь выглянул сквозь расселину в камнях: молодые господа из клана Се в сопровождении слуг повалили в Павильон Ванцин. Все они были разодеты в пух и прах, сияли свежестью, слева красовались ароматические мешочки, справа — нефритовые подвески, а кое-кто даже заткнул за пояс изящные нефритовые флейты.

Эта процемония походила вовсе не на лекцию о Пути и не на церемонию принятия учеников, а скорее на императорский смотр невест.

На их фоне Се Цзинлань в своем поношенном ватнике выглядел сущим бедняком. Окажись он среди них, никто бы и не подумал, что он тоже принадлежит к роду Се, приняв его максимум за низшего слугу, да и то недостойного прислуживать за столом — разве что обувь носить.

Но зато у Се Цзинланя было лицо, которому могла позавидовать сама судьба. Если бы учеников выбирал я, думал про себя Сяхоу Лянь, то непременно остановил бы свой выбор на Се Цзинлане. Какая польза от красивых одежд? Вот когда лицо красивое — на него и смотреть приятно. Глядя на этих уродцев, Сяхоу Лянь лишь укрепился в своей вере в Се Цзинланя.

В душе же Се Цзинланя не было ни единой колыхання. В его глазах молодые господа из клана Се были либо камнями преткновения, которые он непременно столкнет с дороги, либо ступенями, что помогут ему подняться выше. И чем ярче и красивее эти люди рядились, тем сильнее оттенялось его собственное гордое одиночество. Пусть он и не самый одарённый, но уж точно самый неповторимый.

К тому же Дай Шэнъянь, как и он сам, происходил от наложницы, вырос в бедности и познал тяготы юности. Лекарство подбирают под болезнь, а желая стать чьим-то учеником, естественно, следует угождать вкусам учителя. Увидев его, Дай Шэнъянь невольно вспомнит собственные трудные годы учёбы и проникнется к нему жалостью.

Бросив быстрый взгляд на Павильон Ванцин, Се Цзинлань произнес:

— Нам нельзя идти через парадный вход.

И правда, у парадного входа дежурили несколько слуг, и если бы они попытались пройти там, их непременно остановили бы. Сяхоу Лянь посмотрел в сторону глади пруда и, заметив у противоположного берега привязанную лодку, радостно воскликнул:

— Переправимся вплавь! Они сидят на втором этаже, так что Господин Дай легко заметит нас с воды. Стоит ему нас увидеть, как главная госпожа уже не сможет нам помешать.

Тут нарисовался Се Цзинтао. Получив свою порцию розог, толстяк передвигался с заметным трудом. Опираясь на слугу и ковыляя, он шагал так тяжело, что весь его лишний вес ходил ходуном, словно морские волны, и Сяхоу Лянь наконец понял, почему того зовут Се Цзинтао — Бушующие Волны. Поднявшись на второй этаж, Се Цзинлань плюхнулся на самое первое место под главным сиденьем с такой силой, будто намеревался обрушить весь Павильон Ванцин. Земля под ногами качнулась так ощутимо, что даже Сяхоу Лянь, прятavшийся в зарослях рокайля, почувствовал толчок.

Последними появились старшие.

Ляньсян уверяла, что Дай Шэнъянь лицом смахивает на кухонную кочергу и иссох до состояния старых мощей, о которые и зубы сломать не жалко. Должно быть, он честный и неподкупный чиновник, раз умудрился довести себя до такого истощения. Сяхоу Лянь с первого же взгляда узнал в толпе иссушенного старика — это и был Дай Шэнъянь. И правда, как и сказывала Ляньсян, он до того осунулся, что от него осталась одна тень, на которой держалась тонкая, как тростинка, шея. Зато пышная белая борода удалась на славу — длинная, чистая, точь-в-точь как у небожителей на свитках.

Не успел Сяхоу Лянь толком разглядеть ханжеского отца Се Цзинланя, как по его знаку оба сорвались с места и бросились вдоль берега к противоположной стороне.

Кто-то из слуг быстро заметил их. Сперва они опешили, но, протерев глаза, разглядели третьего молодого господина из Двора Осеннего Тунгового Древа и бросились в погоню.

— Эй там, держите третьего молодого господина!

— Ловите их!

На бегу Сяхоу Лянь вытащил рогатку и принялся палить камнями назад. Каждое попадание было безошибочным, и один из преследователей от неожиданности даже плюхнулся в пруд. Камни быстро кончились, и Сяхоу Лянь просто изобразил руками жест натяжения тетивы — некоторые поверили и испуганно замерли, прикрывая головы руками.

Дорожка вдоль пруда была узкой. Те, кто бежал впереди, остановились, а бежавшие следом не смогли вовремя затормозить и кучей навалились друг на друга, образовав сплошную беспорядочную свалку на земле.

В груди Се Цзинланя смешались страх и восторг. Никогда в жизни он так не бегал, никогда не позволял себе подобного безрассудства. Ему следовало бы воспротивиться приказу Сяхоу Ляня, но стоило тому взреветь «Беги!», как тело среагировало быстрее рассудка, и он, подобно сорвавшейся с тетивы острой стреле, сломя голову бросился навстречу пронизывающему зимнему ветру.

Оба юноши двигались легко и стремительно. Лавируя между деревьями на берегу, они напоминали пару проворных птиц и постепенно отрывались от преследователей.

Видя, что цель близка, Сяхоу Лянь взмахнул правой рукой, левой щелкнул по спусковому механизму на запястье, и холодный блеск сорвался с рукава, перерубив канат и уйдя под воду.

Се Цзинлань уже открыл было рот от удивления, как услышал зычный крик Сяхоу Ляня:

— Прыгай!

Оба разом сиганули в лодку. Судёнышко дико затрясло, Се Цзинлань потерял равновесие и чуть не вывалился за борт, но Сяхоу Лянь вовремя схватил его за воротник и втащил обратно.

Сяхоу Лянь тут же подхватил багор и оттолкнулся от дна. Лодка, словно осенний лист на водной глади, взметнула круги на воде и закачалась в направлении смотровой площадки. Отставшие слуги замерли на берегу, бессильно наблюдая, как Сяхоу Лянь и Се Цзинлань отдаляются, растворяясь в туманной дымке.

Сдерживая порыв заглянуть в рукав Сяхоу Ляня, Се Цзинлань поправил одежду по ходу солнца и заложил руки за спину, гордо стоя на носу лодки. Шуму они наделали немало, и Господин Дай наверняка их заметил, а потому требовалось сохранять безупречную осанку.

Народ в Павильоне Ванцин ещё не понял, в чём дело. Издалека лиц было не разобрать, видны лишь двое подростков, за которыми гналась целая толпа, а затем те запрыгнули в лодку и направились прямо к смотровой площадке.

Фигура на носу лодки, застывшая под холодным ветром с устремлённым вдаль взором, выглядела удивительно величественно и изящно.

Дай Шэнъянь хлопнул в ладоши и громко рассмеялся:

— И это тоже отпрыски клана Се? Забавно, как занятно! Живо позовите их подняться сюда.

Се Бинфэн с виноватым видом произнес:

— Молодежь в роду отличается буйным нравом, поступки их глупы, а я оказался плохим наставником. Прошу учителя не гневаться.

— Вовсе нет, совсем нет, молодыми людьми только так и подобает быть! Сидеть целыми днями за книгами, заперевшись в четырёх стенах, — значит попусту растрачивать лучшие годы и прекрасные пейзажи. Не выходить в мир — вот это и есть переворачивать всё с ног на голову, — Дай Шэнъянь рассмеялся так широко, что лицо покрылось морщинами, а наружу выглянули шатающиеся желтоватые зубы.

Се Цзинтао обладал острым зрением и сразу узнал Се Цзинланя. Заметив, как Дай Шэнъянь защищает парня, он испытал неприятный укол раздражения и, сложив руки перед Дай Шэнъянем, произнес:

— Учитель заблуждается, я знаю этих двоих. Они оба невежды, целыми днями только и делают, что тискают птиц да дразнят кошек, — в нашем клане они давно прослыли неблагодарными потомками. Особенно этот Се Цзинлань: давеча он стащил ценную вещь ученика, до того мерзкий поступок! Но из братских чувств я не стал сводить с ним счёты.

Дай Шэнъянь на миг прервал движение руки, поглаживающей бороду, и переспросил:

— О? Неужто было такое?

<http://bllate.org/book/26257/3145230>